

С.В. Погорельская

Политика ФРГ в Афганистане: Гражданский и военный вектор

Аннотация. Основываясь на анализе предшествующих усилий Германии на афганском направлении, автор статьи рассматривает причины участия Германии в военной акции западных стран в Афганистане, отображает основные направления германской политики в этой стране.

Abstract. Based on an analysis of past efforts of Germany in Afghanistan the article examines the causes of current German involvement in the international coalition's military mission in Afghanistan. The paper indentifies basic aspects of military and civil activities of Germany in this country.

Ключевые слова: Афганистан, бундесвер, НАТО, внешняя политика Германии.

Keywords: Afghanistan, Bundeswehr, NATO, foreign policy of Germany.

Введение

На первой международной конференции, посвященной проблемам Афганистана и состоявшейся в декабре 2001 г. в резиденции Петерсберг под Бонном, господствовали благие намерения и демократизаторские иллюзии. Натовские стратеги знали, в какую сложную страну направляют они свои войска и были в курсе опыта советских войск в Афганистане, однако в те «предкризисные» годы излишняя уверенность в своих силах далеко перевешивала здравый смысл. Ни политики, ни военные не представляли себе опасности на долгие годы застрять в

Афганистане, наоборот, по крайней мере официально, для общест­венности утверждалось, что НАТО в самые короткие сроки обес­печит порядок, что Талибан будет быстро уничтожен, а Афгани­стан пойдет по пути создания гражданского, ориентированного на Запад общества.

И тем не менее за десять лет военного и политического при­сутствия НАТО в Афганистане Западу так и не удалось умиротво­рить эту страну согласно своим представлениям о стабильности. Присутствие натовских войск не помешало Афганистану погряз­нуть в хаосе: его новое, прозападное правительство известно своей коррупцией, производство наркотиков прекратить не удалось, а изгнанный было Талибан не только начал возвращать утраченные позиции, но и (по ходу американских бомбардировок) приобретает все больше симпатии у населения.

В составе воинского контингента стран НАТО – германский бундесвер. Принять участие в «борьбе с терроризмом» в Афгани­стане немцы решили в конце 2001 г. После террористических актов 11 сентября 2001 г. правившая в те годы в Германии «красно­зеленая» коалиция (социал-демократы и Зеленые) под руково­дством федерального канцлера Шрёдера объявила США свою «безо­говорочную солидарность». В рамках этой солидарности бундес­вер и отправился на Гиндукуш – впервые за свою историю приняв участие в военной операции НАТО за пределами Европы. Миссия оказалась более сложной, чем предполагалось: успехи «мирного строительства», для которого эта ни разу не воевавшая всерьез ар­мия собственно и была направлена в Афганистан, были перечерк­нуты боевыми акциями талибов, структурные недостатки бундес­вера осложнились кризисом идентичности. «Наши цели были слишком завышены, иной раз и ошибочны», – заявила Ангела Меркель [Merkel erklärt., 2010]. Восемь с лишним лет потребовалось немецким политикам, чтобы констатировать этот факт.

Что же побудило Германию принять участие в непопуляр­ной акции НАТО в Афганистане? Какие цели преследовала гер­манская политика, с какими надеждами связывала она свое военное присутствие в этой стране, насколько ей удалось их реализовать? Эти вопросы исследованы в предлагаемой статье.

Причины участия Германии в военной акции НАТО в Афганистане

Одна из принципиальных внешнеполитических проблем воссоединившейся Германии заключалась в том, что быстрый рост ее внешнеполитических амбиций к концу 90-х годов далеко опередил развитие формальных структур, необходимых для их реализации, и вступил в противоречие с унаследованной от старой ФРГ политической культурой. Воссоединение двух немецких государств в 1990 г. западногерманские политики сначала пытались представить как «расширение Западной Германии на Восток», однако на самом деле в центре Европы возникла качественно новая немецкая сила. С геополитической точки зрения Германия, воссоединившись, достигла той «критической массы», которая традиционно обязывает эту страну к активной внешней политике. В начале 90-х годов, когда боннские идеологи, доставшиеся новой ФРГ по наследству от старой Западной Германии, спешно публиковали все новые труды о «мирной, цивилизующей» немецкой державе, стараясь доказать неизменность старых внешнеполитических принципов, германские политики уже осознала реальные национальные интересы, без прикрас сформулировали их в кулуарах стратегических штабов – и начали реализовывать. Проблемы были лишь в том, как преподать их общественности. Два прошедших десятилетия внешнеполитическая активность ФРГ шла по нарастающей, а идеологическое обоснование этой активности оставалось недостоверным.

С одной стороны, все 90-е годы с высоких политических трибун с нарастающей интенсивностью повторялись слова об «ответственности Германии», и даже не об одной, а о целых четырех – «новой», «возросшей», «исторической» и «особой». «Новая» и «возросшая» подразумевали изменившееся геополитическое положение страны, а «историческая» и «особая» – нехорошее прошлое страны-агрессора. Так, идеологи уверяли, что выход Германии на мировую политическую арену не имеет ничего общего с возрождением традиционных германских геополитических интересов – нет, она идет за рубеж, чтобы защищать страждущих под гнетом тоталитаризма, и делает она это как раз потому, что как бывшая страна-агрессор, отягощенная непростым историческим опытом, несет

«особую ответственность» за мир и демократию. Поэтому, например, для обоснования участия Германии в 1999 г. в военной акции НАТО против Сербии тогдашнему министру иностранных дел ФРГ Йошке Фишеру и пришлось сравнивать сербского лидера Милошевича с Гитлером, хотя сравнение было чудовищно: как известно, сербский народ боролся против гитлеровской Германии во Второй мировой войне.

Однако, с другой стороны, идеологи всеми силами старались подчеркнуть, что все эти четыре ответственности не меняют сути внешнеполитической ментальности, сложившейся в старой ФРГ: немцы-де никогда не вернуться к «политике интересов» и не станут проливать вражеской крови. Да, они участвуют в боевых миссиях НАТО, но участвуют они в них только для того, чтобы не развивать самостоятельной внешнеполитической активности, не идти «особым германским путем», чтобы быть вместе со своими западными союзниками. Немецкие солдаты и не убивают никого, они вообще не воюют – этим занимаются американцы и британцы. А немцы строят школы, мосты и дороги, обучают, сидя в своих укрепленных пунктах, местных полицейских и военных, ну, в крайнем случае – обеспечивают логистику для союзников по НАТО. Такими же аргументами немецкая политика обосновывала ввод бундесвера в Афганистан. Предполагалось, что миссия продлится год, от силы полтора. Господствовало представление, что стабилизация отношений в Кабуле повлечет за собой стабилизацию всей страны.

Для отправки немецкого воинского контингента в Афганистан существовали веские причины, продиктованные как современными геополитическими реалиями, так и историческими традициями. Германия не хотела остаться в стороне от того региона, в котором она в прошлом, соперничая с другими европейскими державами, последовательно и успешно преследовала свои интересы. Мало кто сегодня помнит, что Германию и Афганистан издавна связывали хорошие, чтобы не сказать «особые», отношения. В конце XIX в. немецкие военные фирмы способствовали вооружению Афганистана. В Первой мировой войне германский рейх, чтобы уязвить Великобританию, первым из всех европейских стран признал независимость этой страны. После Первой мировой войны афганское правительство, проигнорировав международную изоляцию побежденной Германии, пригласило немецкие фирмы для

экономической модернизации своей страны. В эти же годы в Афганистане открылась первая немецкая школа, молодые афганские элиты стали отдавать предпочтение уже не английским, как раньше, а немецким университетам. Афганский правящий класс взял ориентацию на Германию: в его глазах Германия была меньшим злом, нежели Великобритания и Россия, поскольку не демонстрировала по отношению к Афганистану своих гегемонистских амбиций. Хотя на самом деле ей просто не хватало для этого военной и политической мощи – и она преследовала свои интересы, разыгрывая выгодную карту «третьей силы», подчеркивая свое миролюбие и нейтральность, предоставляя Афганистану удобные кредиты, высококвалифицированную техническую поддержку, экспертов. Неудивительно, что благодаря этой продуманной политике германских внешнеполитических стратегов в 30-е годы Афганистан стал опорой гитлеровской Германии в Азии. Поражение Германии во Второй мировой войне отношений между этими двумя странами не изменило: уже в 1949 г. Афганистан – причем опять первым из всех стран мирового сообщества – обратился к ФРГ, пригласив в страну немецкие фирмы, а ФРГ снова начала предоставлять ему кредиты и техническую помощь. Эти отношения прервались лишь с вводом в Афганистан советских войск. Однако хорошая репутация Германии – «честной страны» без неокOLONиальных амбиций – сохранилась в этот период и в последовавшие за ним годы беспорядков и гражданской войны.

Тот факт, что первая международная конференция по Афганистану состоялась в Германии (в Бонне, в резиденции Петербург, отсюда название «петербургский процесс»), был в высшей степени положительно воспринят афганскими элитами практически всех политических направлений. Разумеется, афганские политики сознавали, что, будучи встроены в евроатлантические структуры, Германия не может быть независимой от политики США. И тем не менее кое-кто из них истолковывал место проведения конференции как символ возвращения Германии к активной афганской политике. Для США же участие Германии (бывшего «особого партнера» Афганистана) в инициированной ими миссии было демонстрацией единства Запада.

В те годы создателям новых германских внешнеполитических концепций казалось, что Берлин не может и не должен остаться в

стороне от военной акции НАТО в Афганистане. Причем отнюдь не из гуманитарных мотивов и не ради «борьбы с терроризмом», как утверждалось с высоких политических трибун и в СМИ, а для того, чтобы этот регион традиционных германских интересов не попал бы под безраздельный контроль Великобритании и США. Эти опасения германских стратегов в политкорректной форме выразил министр иностранных дел Йошка Фишер: «Если Германия не примет участия, это ослабит Европу и лишит нас возможности влияния в рамках многосторонней политики ответственности» [Die Bundesregierung: Rede., 2001].

В то же время немцы не хотели во имя «трансатлантической солидарности» терять ту добрую репутацию, которую создала себе Германия в Афганистане за прошедшие сто лет, а это случилось бы, ввяжись немецкие войска во внутренний конфликт, как это с ходу сделали США и Великобритания. Поэтому Бундестаг со ссылкой на немецкую Конституцию и сформулировал в декабре 2001 г. сугубо мирные цели пребывания немецкой армии в Афганистане. Мандат, выданный Бундестагом бундесверу в рамках резолюции ООН № 1386, гласил: «Поддержка правительства Афганистана в обеспечении безопасности, а также – и в особенности – защита мирного населения» [Deutscher Bundestag., 2001]. Этот мандат был первоначально выдан лишь на шесть месяцев и продлевался с тех пор снова и снова – то снова на шесть месяцев, то на год, последний раз – в январе 2011 г.

Для внутривнутриполитического употребления при отправке бундесвера в Афганистан в очередной раз была запущена благостная идея «цивилизующей державы»: немецкая армия идет в Афганистан, чтобы помочь афганскому народу строить гражданское, ориентированное на Запад и на достижения западной демократии общество. Подспудно давалось понять, что присутствие в регионе такой мирной, прилежной и трудолюбивой армии, как бундесвер, убедит афганцев, как выгодно отличаются немцы от американских «миротворцев», бомбивших не только террористов-талибов, но иной раз по ошибке даже свадебные процессии.

При отправке бундесвера в Афганистан политики подчеркивали гражданскую, гуманитарную нагрузку военной миссии. В крайнем случае они указывали, что стабилизация Афганистана необходима для безопасности Германии (министр обороны красно-

зеленой коалиции, социал-демократ Петер Штрук: «Безопасность Германии обеспечивается и на Гиндукуше» [Wiegold T., 2010]). Как и остальные «инвестирующие» в безопасность Афганистана силы, Германия имела свои экономические интересы в этой стране, была заинтересована в разработке открытых там недавно нефтяных месторождений и месторождений редких полезных ископаемых, однако об этом, разумеется, официально не говорилось. Ни слова не было сказано и об особых отношениях, которые весь XX век связывали Германию и Афганистан, чтобы не создать впечатления, будто воссоединившаяся Германия возвращается к старой политике интересов. Более того, упоминание этих «особых отношений» считалось чуть ли не табуированной темой – от политически подкованного немецкого населения ожидалось, видимо, что оно умеет читать между строк. Христианский демократ Хорст Кёлер, бывший федеральный президент, попробовал было в мае 2010, возвращаясь из Афганистана, в походном радиоинтервью трезво порассуждать о защите немецких внешнеэкономических интересов в этом регионе, но тут же получил от политической оппозиции ярлык «германского милитариста» и вынужден был уйти в отставку [Погорельская С.В., 2010].

Механизмы немецкого присутствия в Афганистане

«Основной закон» (Конституция ФРГ) называет Германию «государством политических партий». Это – парламентарная демократия, поэтому бундесвер – армия парламента, а не правительства. Эту армию нельзя просто послать воевать – сначала свое «добро» на участие немецких солдат в военных акциях должен дать Бундестаг. Такое решение было принято в 1994 г. в ходе усилий мирового сообщества по преодолению югославского кризиса. До этого, согласно Основному закону, бундесвер вообще не мог участвовать в военных акциях за пределами стран Североатлантического альянса – исключение допускалось лишь в том случае, если он получал миротворческий мандат. В конце 2004 г., после десяти лет практической «апробации», роль Бундестага в определении участия бундесвера в зарубежных военных миссиях западного и мирового сообщества была окончательно закреплена в специальном Законе о соучастии парламента. Мандат Бундестага четко оп-

ределяет, что именно может себе позволить бундесвер за рубежом, а что – нет.

На конец 2011 г. бундесвер участвовал в восьми зарубежных миссиях – в том числе и в Афганистане. Участие в них, равно как и их продление, санкционируется Бундестагом. На сайте германского минобороны подчеркивается, что полномочия, которыми наделяется бундесвер в этих миссиях, не должны нарушать нормы «гуманитарного международного права». Однако бундесвер со временем сделал это.

Наряду с США, Великобританией, Японией и ЕС в целом Германия была и остается одной из основных участниц международной акции в Афганистане как по численности контингента, так и по размерам финансовой помощи. В рамках МССБ (Международных сил по содействию безопасности) бундесвер принял на себя ответственность за относительно безопасные в те годы северные провинции Афганистана. Региональное командование «Север» (RC North) было размещено в городе Мазари-Шариф, а в Кундузе и Файзабаде бундесвер разместил две группы по восстановлению провинций (Provincial Reconstruction Team – PRT). Задача двух дислоцированных на севере групп заключалась в «обеспечении условий для мирного строительства» и «поддержке власти демократически избранного афганского правительства». Кроме того, Германия отвечала за тактический воздушный транспорт и за эвакуацию раненых всех участвующих в натовской операции стран, а также за тыловое обеспечение.

Небольшие контингенты немецких солдат дислоцированы также в Кабуле и в южноафганском Кандагаре (радисты) [Fernmelder in Südafghanistan].

С 2007 г. бундесвер пополнился военно-воздушными силами – в задачи шести «Торнадо» входила воздушная разведка и защита «солдат, гражданского персонала и афганского населения». С июля 2008 г. по-прежнему дислоцированный на севере Афганистана немецкий воинский контингент пополнился частями быстрого реагирования (Quick Reaction Force – QRF).

В 2010 г. в Афганистане было дислоцировано 4500 солдат. В 2011 г. Бундестаг дал добро на отправку еще 300 солдат в рамках миссии АВАКС-НАТО. Согласно решению Бундестага, число солдат не должно превышать 5350, включая резерв, а с 2012 г. – 4900,

включая резерв и летчиков самолетов АВАКС [Bundesregierung: Fortschrittsbericht., 2011]. Кроме того, в миссии участвовали более 100 инструкторов, занимающихся подготовкой сил внутренней безопасности, и число их предполагалось довести до 200. Германия является самым крупным участником полицейской миссии ЕС, поддерживающей Афганистан в формировании и повышении квалификации местных полицейских сил.

Нынешний мандат действует до 13 января 2013 г. а закончить операцию предполагается в 2014 г.

Немецкое общество и афганская миссия бундесвера до 2009 г.

Общественное мнение Германии к участию бундесвера в военной миссии НАТО с самого начала относилось достаточно скептически. Утверждения социал-демократов, что на Гиндукуше «обеспечивается безопасность Германии», не воспринимались всерьез, равно как и рассуждения о помощи в развитии и о строительстве мостов, дорог и школ.

Немецкие солдаты оказались в боевой обстановке, сложной для этой армии, избалованной долгими годами мира и благополучия и не привыкшей еще в те годы к военной рутине. Информация о трудностях военных будней, о неизбежных нервных срывах просачивалась в СМИ лишь эпизодически. Так, например, в 2003 г. газета «Бильд» потрясла общественность заявлением, что солдаты бундесвера в Афганистане используют нацистскую символику и издеваются над костями умерших. Скандал начал было набирать обороты, бундесвер организовал внутреннее расследование, дело передали в прокуратуру. Пресса пестрела гневными статьями об «огромном вреде», нанесенном неразумными солдатами делу дружбы и взаимопонимания между немецким и афганским народами. Блустители политической корректности в Германии рассуждали, каким оскорблением считается в исламе нарушение покоя мертвых, и выражали опасения, что афганцы обидятся на «немецких друзей» за глумление над костями усопших мусульман. Однако кости оказались не мусульманские. В процессе расследования выяснилось, что потревоженные останки принадлежали не афганцам, а (как писал немецкий журнал «Фокус» [Red.: Kein Prozess.,

2006]) советским солдатам, погибшим в Афганистане, и что раздобыли немцы эти черепа не на кладбище, а в карьере, откуда местное население берет глину для строительства своих хижин. Удивительно, как быстро после этой новости исчезла тема со страниц немецких газет. Для немецких репортеров, в те годы все еще находившихся под влиянием старых стереотипов о «русских врагах», советские солдаты, погибшие в Афганистане, были всего лишь «оккупантами» и внимания не заслуживали. В 2006 г. прокуратура закрыла дело за отсутствием состава преступления.

Чем дольше продолжалось пребывание бундесвера в Афганистане, тем отчетливее осознавала Германия всю сложность и тяжесть той миссии, которую она взвалила на себя, отправив свою армию в эту страну. Поэтому официальная пресса по мере сил старалась подавить беспокойство немецкой общественности позитивными сообщениями. На правительственных сайтах размещались (да и по сей день размещаются) материалы о положительных изменениях, достигнутых в Афганистане в ходе миссии НАТО: создана Конституция, проводятся выборы президента и парламента, развиваются здравоохранение и народное образование.

До тех пор пока гибли американские солдаты, немецкая общественность еще успокаивала себя: их солдатам это не грозит, они не воюют, они помогают в мирном строительстве. Общественное мнение стало резко меняться, когда из Афганистана в Германию пошли первые солдатские гробы. За десять лет, прошедших с начала операции в Афганистане, там погибли 52 немецких солдата, причем 24 из них – в ходе непосредственных боевых действий. По сравнению с американскими потерями (более 1000 солдат) цифра могла показаться незначительной, но не для Германии, десятилетиями гордившейся своей особенной, мирной армией, сохраняющей «чистые руки» даже там, где другие воюют, тем более если солдаты гибли, что называется, задаром – цели военной миссии, по крайней мере официальные, достигнуты не были. Стабилизировать Афганистан не удалось, не говоря уж о построении там демократии. Талибан, в начале военной операции ослабленный, усиливался по мере того, как все больше мирных жителей становились «побочными» жертвами борьбы Запада с терроризмом. Движение Талибан использовало локальные конфликты в своих целях, его лидеры действовали даже в тех регионах, где жили его против-

ники, и пользовались поддержкой духовенства на местах. Западные силы поддерживали афганского президента в его попытках «национального примирения», реинтеграции раскаявшихся бойцов Талибана в мирную жизнь, однако эксперты относились к этой стратегии с немалой долей скепсиса: нельзя отделить «умеренный» Талибан от радикального, можно выбирать разве лишь между прагматиками и фанатиками, однако и те и другие – консервативные исламисты. Что же касается мирных жителей, то им оставалось выбирать между слабым и известным своей коррупцией правительством в Кабуле и вездесущим Талибаном.

Окружение, в котором действовали немецкие солдаты, из дружелюбного начало превращаться во враждебное. Поэтому они все меньше стали показываться «на люди», предпочитая оставаться на своих базах. Образовательные программы для афганских сил внутренней безопасности они тоже стали проводить у себя. Однако Талибан настолько активизировался, что даже некогда безопасный лагерь в Кундузе все чаще стал подвергаться обстрелам.

Это не могло не оказать воздействия на характер внутригерманских дебатов об афганской миссии бундесвера.

Переломный пункт – «афера Кундуз»

Участие бундесвера в операции американцев против талибов в Кундузе в сентябре 2009 г., в ходе которой погибли и мирные жители, вызвало в Германии волну возмущения: не только из-за гибели населения, но и потому, что бундесвер напрямую «нарушил мандат Бундестага», запрещавший ему воевать.

Что же особенного сделала немецкая армия? Она приняла участие в боевых действиях. 4 сентября полковник Кляйн, командир базы в Кундузе и одновременно командир оперативно-тактической группы № 47 (Task Force 47), узнал, что Талибан захватил два бензовоза с прицепами. По данным элитной немецкой воинской части KSK (команда сил особого назначения), вокруг этих бензовозов сгруппировалось «множество вождей Талибана». Поэтому немецкий полковник, информировав американцев и запросив их поддержку, отдал приказ атаковать бензовозы с воздуха, что и было сделано. Вместе с бензовозами и «вождями Талибана» (которых, как выяснилось позже, было только четверо, остальные –

рядовые) погибли и мирные люди, поскольку на захваченных бензовозах и вокруг них кроме очевидных талибов находилось, как писала немецкая пресса, симпатизирующее им мирное население, включая женщин и детей. По первым, секретным, данным, на 69 мертвых талибов пришлось 30 жертв среди мирных жителей. Сначала о случившемся умалчивали. Тем временем в Германии прошли выборы и сменилось правительство: к власти пришла консервативно-либеральная коалиция. Новый министр обороны Теодор цу Гуттенберг, который сначала оправдывал военный удар, по мере того как информация о мирных жертвах становилась достоянием гласности, изменил свою позицию, заявив, что был неверно информирован, уволил ряд сотрудников минобороны и потребовал нового расследования. В СМИ, в обществе заговорили о «Кундуз-афере», подразумевая уже не только сам факт гибели мирных людей, но и то, как обошлись с этим фактом немецкие политики. К тому времени число погибших мирных жителей исчислялось уже 139, причем 20 из них были женщины, а 36 – маленькие дети. Так по крайней мере утверждала немецкая пресса, ссылаясь на данные афганского адвоката, представлявшего в Германии семьи пострадавших и требовавшего от их имени материальной компенсации на содержание вдов и сирот.

Случаи, подобные этому, не единичны. Только раньше такие акции совершали воинствующие американские миротворцы, в поисках вождей талибов расстреливавшие с воздуха то ни в чем не повинную деревню, то свадебное шествие. А немцы считали себя «мирными» миротворцами – по крайней мере в том, что касалось их роли в Афганистане. Вернее, таковыми считала их немецкая общественность – иначе отправка бундесвера в Афганистан вряд ли снискала бы внутриполитическую поддержку.

Споры о «воздушной атаке в Кундузе», определившие внутригерманскую дискуссию о смысле и необходимости пребывания бундесвера в Афганистане в конце 2009 г., символизировали окончательную смену германской военной парадигмы. Критики утверждали, что бундесвер не располагает мандатом для боевых действий и стрелять может лишь для собственной защиты, реалисты же призывали модернизировать наконец интерпретацию внешнеполитической роли бундесвера, отказаться от утрированного представления о «пацифистах в мундирах», указывали, что нагружать

армию гуманитарными задачами и упрекать ее за то, что в боевых условиях она воюет, – значит дезориентировать ее, более того, ставить под вопрос ее идентичность. Внутригерманская политическая дискуссия о событиях в Кундузе стала очередным, уже которым по счету с момента воссоединения Германии, «принципиальным» (Одо Маркварт): на этот раз немцы прощались с представлением о своей гражданской армии, сохраняющей «чистые руки» даже там, где другие воюют, участвующей в военных акциях западного альянса исключительно в рамках союзнического долга и только на уровне логистики, армии, дружелюбно относящейся к местному населению и строящей ему школы, колодцы, мосты и дороги. В немецких СМИ все четче раздавались требования «распрощаться с политической ложью». Опросы показывали, что афганская миссия бундесвера, несмотря на официальную пропаганду и перечень всех добрых дел, которые немцы совершили за эти годы, совершенно не пользуется поддержкой населения – 70% выступали за вывод немецких войск из этой страны [Ein gerechter..., 2010]. Однако из всех политических сил в Германии к тому времени лишь Левая партия последовательно выступала за прекращение боевых действий, указывая в числе прочих аргументов, что пребывание бундесвера в Афганистане за восемь лет обошлось немецким налогоплательщикам не в 3,6 млрд. евро, как утверждает правительство, а минимум втрое дороже.

В 2010 г. в рамках Лондонской конференции по Афганистану немецкое правительство приняло стратегию «Партнеринг» [Die Bundesregierung, 2010]: в преддверии «передачи ответственности» афганским силам безопасности (одна из четырех провинций, с которых НАТО хочет начать этот процесс, находится в месте дислокации немцев) солдатам предписывалось активнее демонстрировать свое присутствие, брать пример с американцев, выходя «на люди», проводя в полевых условиях совместные программы с афганскими силами внутренней безопасности, усиливая интенсивность образовательных программ. Внутриполитическое «обеспечение» этой стратегии было принципиально новым. Начало положила Ангела Меркель, в апреле 2010 г. в правительственном заявлении по Афганистану призвавшая «называть вещи своими именами» [Die Bundesregierung, 2010], что означало – признать, что немецкая армия находится на войне. Это заявление встретило поддержку как у

социал-демократов, так и у Зеленых. Хорст Кёлер, не будучи профессиональным политиком, последовал этому призыву слишком буквально, указав немцам на связь военной миссии с германскими интересами, – ему пришлось уйти в отставку. Однако после выборов нового федерального президента летом 2010 г. министр обороны цу Гуттенберг развил начатую канцлером тему, заявив в интервью, что «немецкие солдаты не должны умирать ради иллюзий». В политических кулуарах проскальзывали и неофициальные намеки на необходимость изменения Конституции. Статья 87b, определяющая примат гражданского командования над армейским (министр обороны – всегда штатский), стоит пока что вне дискуссий, речь идет лишь о том, чтобы «укоренить» зарубежные миссии бундесвера в Конституции. Однако Бундестаг, раз за разом дружно продлевавший бундесверу его мандат в Афганистане, не смог набрать необходимого большинства, чтобы поставить на повестку дня этот вопрос.

Между тем противоречие между возросшими внешнеполитическими амбициями и старой политической культурой с ее неписаными нормами «политкорректности» грозило парализовать механизмы принятия политических решений. Необходимо было либо отказаться от амбиций, либо развивать политическую культуру в соответствии с изменившимся положением страны. Не обошлось без курьезов: либеральная «Южногерманская газета», печатая «репортаж с полей сражений», с помпой опубликовала напутствие немецкого отца-офицера отправляющемуся в Афганистан сыну-солдату: «Помни, твоя честь – это верность». Последовали возмущенные письма читателей, напоминающие, что эта фраза была девизом СС.

Немецкая армия тесно интегрирована в европейские и трансатлантические структуры безопасности, так что ее односторонний вывод невозможен. Реалистической целью военной миссии в 2010 г. считалось уже не «построение демократии», а достижение такой внутривнутриполитической ситуации в Афганистане, при которой, как говорил цу Гуттенберг, «из него не будет исходить вреда для мирового сообщества». Ради этого западные политики оказались готовы не только терпеть, но и поддерживать даже архаические формы самоуправления, например джиргу. Зеленый депутат Штрёбеле заявил, что в Афганистане уже «существует гражданское

общество. Там есть старейшины, есть структуры, чтобы управлять страной по старым традициям». В то же время политики выражали скепсис в связи со стратегией поэтапной «передачи ответственности» афганским властям и силам безопасности, не без оснований полагая, что вывод западных войск автоматически будет означать очередную эскалацию конфликта.

Афганская политика ФРГ в 2011 г.

В начале июля 2010 г. тогдашний министр обороны Тео цу Гуттенберг заявил, что бундесвер не только «драматически недофинансирован», но и, как он выразился, «болен во многих членах». Министру предстояло решить, как сохранить и улучшить боеспособность армии в условиях экономии средств, вызванной кризисом еврозоны. Целью реформы было провозглашено создание «высококвалифицированной, современной, эффективной и гибкой» армии. Сокращение срока службы до шести месяцев (до этого солдаты служили девять месяцев) вызывало у экспертов опасения – ведь одно лишь образование молодых солдат составляет три месяца. Переход к профессиональной системе вел к отмене «альтернативной службы» – это негативно сказалось на обслуживании больниц и социальных учреждений, где раньше отслуживали свой срок т.н. «циви», заменившие армию социально полезным трудом. Недовольство генералитета вызывало и сокращение гарнизонов в самой Германии. Тем не менее реформа была начата в 2011 г.

К этому времени афганская миссия бундесвера окончательно потеряла поддержку населения в Германии. Осенью 2011 г. опросы показывали, что против ее продолжения по-прежнему возражают более 70% населения, а 68% к тому же полагают, что бундесвер даже и не следовало вводить в эту страну [Umfrage: Zwei...]. Если раньше против ввода бундесвера в Афганистан выступала только Левая партия, то к 2011 г. сформировалось широкое гражданское движение, выступающее за как можно более быстрый вывод бундесвера из этой страны [Friedensforschung]. Указывается, что пребывание бундесвера в Афганистане съедает чуть ли не 10% годового бюджета министерства обороны. Выражаются сомнения в достижимости поставленных западными державами целей.

Стратегия «Партнеринг», получившая в немецких СМИ в силу участвовавших покушений на немецких солдат название «команды на тот свет», стала предметом обсуждения в Бундестаге: в августе 2011 г. депутаты партии Зеленых направили в правительство запрос, потребовав информировать их о ходе реализации данной стратегии [Deutscher Bundestag., 2011]. Ответ был дан под грифом секретно и достоянием обществу не стал, однако СМИ сообщали, что реальность оказалась значительно менее удовлетворительной, чем планы: образовательные программы не принесли желаемого эффекта, армия по-прежнему была вовлечена в боевые действия [Heinzle С.].

В декабре 2011 г. в Бонне, в Петерсберге, состоялась очередная международная конференция по Афганистану, определившая стратегию западного сообщества в этой стране до вывода МССБ в 2014 г. и возвращения Афганистану «полного суверенитета» и наметившая вехи на «переходный период» до 2024 г.

В своем официальном ежегодном сообщении Бундестагу о «Прогрессе в Афганистане» [Die Bundesregierung, 2011], последовавшем сразу после конференции в декабре 2011 г., правительство сообщило о новых планах и оценило результаты работы. Оно указало на необходимость дальнейшей региональной стабилизации, которая должна быть проведена с помощью Запада, и подчеркнуло, что те группы по восстановлению провинций (Provincial Reconstruction Teams, PRT), ответственность за которые несет Германия (в Кундузе и Файзабаде), а также советники в Талокане, после вывода бундесвера останутся в стране и будут подчинены гражданским структурам.

В 2011 г. бундесвер по-прежнему принимал участие в обучении кадров афганской армии (209-й корпус афганской армии, центр по подготовке полицейских в г. Мазари-Шариф и школа логистики в Кабуле), Германия продолжила свое участие в образовательной программе для полицейских сил (200 инструкторов в рамках германской специальной группы по продвижению полицейского проекта (German Police Project Team) и 60 экспертов в рамках проекта ЕВРОПОЛ-Афганистан и предоставила 77 млн. евро в фонд «Закон и порядок» (LOTFA). Число подготовленных полицейских достигло 134 тыс., в 2012 г. их должно стать 157 тыс. [Die Bundesregierung, 2011, S. 23].

Число дислоцированных солдат бундесвера в 2011 г. составило 5350 – таким образом, Германия осталась третьей по величине военной силой после США и Великобритании. 300 немецких солдат в 2011 г. участвовали в проекте АВАКС-НАТО.

По мнению немецкого правительства, успехи в Афганистане «не бросаются сразу в глаза», но на деле дают основу для «долгосрочной стабилизации и развития страны». К этим успехам оно относит возможность получения школьного образования для детей обоих полов, улучшение бытовой инфраструктуры (электроэнергия, транспорт, водоснабжение и орошение), улучшение ситуации в здравоохранении. По мнению правительства, афганские силы безопасности скоро будут в состоянии полностью взять ответственность на себя. Однако «с уходом бундесвера наша ответственность за Афганистан не кончится» [Die Bundesregierung, 2011, S. 15], предупреждает правительство. Что означает: немецкое правительство, как и другие западные силы, осознало печальный факт – с уходом западных демократизаторов Афганистан, как в свое время после вывода советских войск, вернется к своему естественному (после отставки шаха) состоянию раздробленности и гражданской войны. В таких условиях эксплуатация полезных ископаемых с участием западных инвесторов будет существенно затруднена.

Кроме военных и военно-гражданских сил, стоящих в подчинении военного командования, в Афганистане работают чисто гражданские немецкие организации по оказанию помощи в развитии и немецкие отделения международных НПО, работающие в рамках гуманитарных проектов¹, а также фонды немецких политических партий. Так фонды двух больших партий – ХДС и СДПГ – Фонд Конрада Аденауэра и Фонд Фридриха Эберта располагают собственными представительствами в Кабуле и привносят свой вклад в формирование гражданского общества. Как и в других развивающихся странах, они делают особый акцент на т.н. политический диалог: посредничают между различными демократически

¹ В частности, следующие НПО: *Ärzte ohne Grenzen, Afghanistan-Schulen, Caritas international, Deutsches Rotes Kreuz, HELP, Johanniter Unfallhilfe, Kindernothilfe, Malteser International, medica mondiale, medico international, Misereor, Oxfam Deutschland, Welthungerhilfe und World Vision Deutschland.* – Mode of access: <http://www.venro.org/1093.html>

ориентированными политическими силами внутри страны и способствуют сотрудничеству между немецкими и афганскими политическими элитами. Кроме того, они проводят политико-образовательную работу, в частности, в вопросах мирного преодоления конфликтов, осуществляют консалтинг политических сил, поддерживают формирование новых демократических СМИ и спонсируют работу молодых журналистов.

Заключение

Возможно, в общем контексте роль немецких «строителей гражданского общества» в Афганистане покажется менее значительной, чем широкомасштабная деятельность американских и британских военных. Но для самой Германии афганская операция бундесвера – поворотный пункт, начало формирования новой политической культуры, а возможно, и модификации политических и правовых структур, регулирующих роль бундесвера.

Десять лет пребывания в Афганистане заставили немецких политиков, экспертов и общество по-новому оценить не только эту конкретную миссию, но и будущее германской внешней политики в Азии, на Ближнем Востоке, да и в других регионах мира. Сторонники старой внешнеполитической концепции «мирной, цивилизующей державы» задаются вопросом, не лучше ли было для Германии остаться при своей традиционной роли «честного маклера», не участвуя в военных миссиях, по крайней мере в тех случаях, когда их положительный исход и их политический резонанс более чем спорны. Старая Западная Германия, которая в силу своего ограниченного суверенитета не имела возможностей преследовать свои интересы в мире путем военных миссий и поэтому развила необычайно действенный экономический и гражданский внешнеполитический инструментарий, реализовывала свои интересы в мире не хуже, чем нынешняя ФРГ. Организации «помощи в развитии», политические фонды, оказание экономической помощи ориентирующимся на Западную Германию странам – все это приносило Западной Германии в свое время, во всяком случае, не худшие плоды, чем нынешние дорогостоящие и опасные военные «гуманитарные миссии». Те «особые отношения», которые имела Германия с Афганистаном в течение практически всего XX в., та особая

роль, которую играла Германия в этой стране по сравнению со старыми гегемонистскими силами региона – Великобританией и Россией, ныне медленно сходят на «нет».

А уж коль скоро воссоединившаяся Германия решила вернуться к так называемой «внешнеполитической нормальности» и не просто участвовать в военных акциях, но и по образцу своих союзников по НАТО целенаправленно развивать военный вектор своей внешней политики, ей следует разработать для этого новые механизмы. В первую очередь речь идет о новых организационных механизмах для участия бундесвера в зарубежных военных миссиях западного альянса. Подчинение парламенту, сопряженное с неизбежными дебатами в Бундестаге, возобновляющимся перед каждым продлением мандата, хорошо с демократической точки зрения, но плохо с точки зрения военно-политической оперативности. Возможно, что за нынешней реформой бундесвера последует и разработка более действенных и быстрых механизмов для обеспечения оперативности его действий в зарубежных миссиях. Однако для этого немецкой политике придется пойти на изменения старой, написанной еще для Западной Германии Конституции. Значение этих изменений для Евросоюза чрезвычайно важно. Немецкая сила в центре Европы в дополнение к своему экономическому весу и растущему политическому самосознанию обретет дееспособную и готовую к зарубежным акциям армию.

Литература

Погорельская С.В. Издержки партийной демократии // Эксперт. – М., 2010. – 28 июня. – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2010/25/izderzhki_partiynoi_demokratii/

Die Bundesregierung: Rede des Bundesaußenministers Joschka Fischer (Bündnis 90/Die Grünen) zur Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Bekämpfung des internationalen Terrorismus vom 8. November 2001. – Mode of access: http://www.documentarchiv.de/brd/2001/rede_fischer_1108.html

Die Bundesregierung. Auf dem Weg zur Übergabe in Verantwortung: Das deutsche Afghanistan-Engagement nach der Londoner Konferenz. – Berlin, 2010. – 25.01.

Die Bundesregierung. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel zum Einsatz der Bundeswehr in Afghanistan vor dem Deut-

schen Bundestag am 22. April 2010 in Berlin. – Mode of access: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2010/04/42-1-bk-bt.html>

Die Bundesregierung: Fortschrittsbericht Afghanistan. – Berlin, 2011.

Die Bundesregierung: Ab 2012 weniger deutsche Soldaten in Afghanistan. – Mode of access: http://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Themen/Afghanistan/_node.html

Deutscher Bundestag, Drucksache 14/7930, 14. Wahlperiode. Zugeleitet mit Schreiben vom 21. Dezember 2001. Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz einer Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan auf Grundlage der Resolutionen 1386 (2001), 1383 (2001) und 1378 (2001) des Sicherheitsrats der Vereinten Nationen. – Berlin, 2001. – 21.12. – Mode of access: http://www.bundestag.de/bundestag/ausschuesse17/a12/auslandseinsaetze/auslandseinsaetze/isaf_bisherige_mandate.html

Deutscher Bundestag Drucksache 17/6766. 17. Wahlperiode. Erfahrungen der Bundeswehr mit dem Ausbildungskonzept des Partnering in Afghanistan. – Berlin, 2011. – 01. 08.

Fernmelder in Südafghanistan. – Mode of access: http://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/!ut/p/c4/NYzBDoIwEES_hQ-wpQYj8SbhgFcuiehzTJuyCW1JXSAxfrztwZlkLi_z5FOmetjIAIPwMMuHHDRdxl2Mu0Hh1pnJoSEQGxkMEPVEm0Dyb0D-oBiROAJafB1LdZT37Es_HTxyXkbPINZG4BDfEiLPmawxJiLIyKFUbaPO5 T_qW_dV11 VVfWpvTZ-FSwTrQA4-HDTToCeXiXL1 fi-IH7 sno 9 w!!/

Friedensforschung. – Mode of access: <http://www.ag-friedensforschung.de/bewegung/afgh/Welcome.html>

Heinzle C. Viel Kampf, wenig Ausbildung – das Partnering-Konzept der Bundeswehr, ein Etikettenschwindel? – Mode of access: <http://www.ag-friedensforschung.de/regionen/Afghanistan/partnering.html>

Ein gerechter Krieg. – SPIEGEL ONLINE. – 2010. – 03.05. – Mode of access: http://www.spiegel.de/thema/debatte_um_afghanistan_abzug/archiv.html

Merkel erklärt den Krieg // Die Zeit. – Hamburg, 2010. – 22.4. – Mode of access: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2010-04/merkel-afghanistan-3/seite-1>

Red.: Kein Prozess wegen Totenschändung. – 2006. – 07.12. – Mode of access: http://www.focus.de/politik/ausland/totenschaendung_aid_120645.html

Umfrage: Zwei Drittel gegen Afghanistan-Einsatz. – Mode of access: <http://www.news.de/politik/855229661/umfrage-zwei-drittel-gegen-afghanis-tan-einsatz/1/>

Wiegold T. Peter Struck: Deutschland wird auch am Hindukusch verteidigt. – Mode of access: <http://augengeradeaus.net/2010/09/das-peter-struck-buch-1-deutschland-wird-auch-am-hindukusch-verteidigt/>